

О ПЕРСПЕКТИВАХ АНТРОПОЛОГИИ В ПОСТМОДЕРНЕ

И. Ю. Манакова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 18 марта 2014 г.

Аннотация: *в статье рассматривается статус антропологии в эпоху постмодерна, анализируются кризис классических представлений о человеке в связи со смертью субъекта и перспективы развития антропологических идей.*

Ключевые слова: *постмодерн, антропология, деконструкция, смерть субъекта, Другой, нарциссизм, симуляция, идентификация.*

Abstract: *the article deals with the status of anthropology in the postmodern era, analyzes the crisis of classical idea of man in connection with the death of the subject and prospects of development of anthropological ideas.*

Key words: *postmodern, anthropology, deconstruction, subject death, the Other, narcissism, simulation, identification.*

Каждая эпоха в попытке выразить свое отношение к человеку создавала антропологические учения, в разной степени отражавшие сущность человека, его ориентацию в мире и характер основных феноменов его бытия. Философия постмодерна, черпающая свои основные мотивы в неоднозначном и переходном характере эпохи, отрицает прежние, сформированные долгим периодом модерна каноны человеческого мышления и существования. Кризис классических установок и ценностей предшествующей эпохи заставляет постмодернистскую философию критически осмысливать новые, еще не устоявшиеся подходы к пониманию человека и выявлять наиболее важные аспекты его существования. Однако подобно всем метанаррациям, которые в качестве универсальных концепций, легитимирующих наше мышление, отрицают постмодерн, антропология утрачивает свое право на выявление сущности человека. В этой ситуации перспективы и статус философской антропологии как учения о человеке становятся неоднозначными.

Своеобразным манифестом кризиса антропологии и классического понимания человека в постмодерне стала статья «Антропологический сон» М. Фуко в его книге «Слова и вещи».

М. Фуко называет всю предшествующую эпоху модерна антропологическим сном, который не давал возможность критически мыслить о человеке, догматизируя и помещая все характеристики человеческого бытия в пространство внешних по отношению к нему определенностей. Специфика классического мышления, по мнению М. Фуко, заключается в «эмпирико-критическом удвоении, посредством которого стремятся представить человека, укорененного в природе, обмене или речи, как

обоснование его собственного конечного бытия» [1, с. 361]. Отказ от такого догматизма возможен через отрицание антропологии с ее четко очерченным образом мыслящего субъекта, непременно долженствующего раскрыть некую тайну бытия. Фуко говорит о том, что «в наши дни мыслить можно лишь в пустом пространстве, где уже нет человека» [1, с. 362] в его прежнем понимании, и именно это позволяет считать ницшеанского сверхчеловека тем основанием, которое выводит индивида из-под власти, определяющей его связи с Богом как детерминирующим его началом.

Ж. Делёз замечает по этому поводу, что классическая философия мыслила человека в аспекте его отношения к бесконечному. Тем самым человек попадал в зависимость от этого бесконечного, и, будучи его ограничением и проявлением, он вообще утрачивал свою сущность. Поэтому пока философия предполагала Бога как начало, в соответствии с которым определял себя человек, последнего как такового не существовало. Только смерть Бога, как и смерть человека в традиционном его понимании, дают возможность ницшеанскому сверхчеловеку «освободить жизнь в самом человеке в пользу другой формы» [2].

Эта новая форма предполагает соотнесение человеческого бытия с конечным, что дает возможность для безграничного комбинирования существующих элементов в непосредственном человеческом опыте. Именно ориентация на исследование опыта и непосредственных человеческих переживаний знаменует отказ от постижения сущности человека, которая в постмодерне более не является предметом исследования ввиду своего нарративного, множественного, незавершенного, а порой и симулятивного характера. Именно поэтому от построения учения о человеке философия переходит к исследованию процесса понимания человеком мира.

Понимание мира и самого себя в постмодернизме крайне сложно. Отказываясь от принципа логоцентризма, постсовременное мышление отрицает наличие некой универсальной закономерности, легитимирующей все начинания и дающей иллюзию предзаданной истины, лежащей в основе бытия, разгадать которую и воплотить в реальность должен человек. Исчезновение универсальной парадигмы ведет к ориентации на восприятие мира как не унифицированного и более не определяемого общезначимыми принципами и смыслами.

Означаемое, связанное в классической философии с детерминирующим Логосом, в постмодернизме утрачивает свою прежнюю роль, во многом благодаря деконструкции, которая уничтожает авторитарность мысли и ее зависимость от абсолютного источника. Метод деконструкции, сформулированный Ж. Деррида, подробно описывается им в «Письме японскому другу» как «разложение на части, расслаивание структуры (всякого рода структуры: лингвистические, логоцентрические, фоноцентрические..., социоинституциональные, политические, культурные и сверх того – и в первую очередь – философские)» [3]. Этот метод был на-

правлен на существующие в классической западной философской мысли оппозиции, которые необходимо было разрушить, опрокинув иерархию смыслов и уравнив их в статусе.

Вследствие того, что означающее теряет зависимость от означаемого, интерпретация высвобождает смысл, придает ему характер скольжения и случайности. Таким образом, поиск глубинного смысла сменяется *рассеиванием* [4], бесконечным потоком интерпретации, возможным в силу того, что человек перестает искать в тексте смысл, но сам вкладывает его, производит.

Отношение между означаемым и означающим снимается в процессе означивания, как движения в пространстве означающих, что придает смыслу процессуальность и лишает его некой изначальности. Р. Барт пишет о тексте как о пространстве, где лишь намечены линии смысловых сдвигов, что обуславливает возможность интерпретатора бесконечно порождать новые смыслы. Констатируя смерть автора, Барт, впрочем, и читателю отказывает в абсолютной возможности смыслопорождения, потому как в этом случае мы бы имели отождествление автора и читателя, что наделило бы текст окончательным смыслом и застопорило бы его [5].

«Каждый роман должен выбирать свою собственную форму, каждая история должна искать и находить свое собственное тело... Роман может быть домом. По крайней мере, на какое-то время», – пишет М. Павич [6]. Однако не только текст, но и сам интерпретатор является сотканным из культурных универсалий, которые он по собственному усмотрению комбинировает. Именно в связи с этим становится возможным говорить, во-первых, о цитатности мышления постмодерного человека, а во-вторых, о зависимости этого мышления от ситуации. Понятие ситуации по-новому начинает звучать в постмодерне. Отказ от универсального образа человека, от разного рода определяющих его поведение инвариантов, порождает свободу коммуникации, интерпретации и ценностный плюрализм. Все это усиливает внимание к повседневности, в которой реализуются различные аспекты человеческого Я, в его неповторимости и незавершенности. Любые человеческие проявления становятся возможными и анализируются в аспекте той или иной ситуации, которая неопределенна и в этом плане не может быть аксиологически однозначна. Так, С. Жижек в статье «Когда простота означает странность, а психоз становится нормой» говорит о морали с «оговорками» как о стандарте нашего мировосприятия. Сегодня «этический субъект действительно угрожает существующему порядку» тем, что не учитывает многообразия возможностей и условий поведения индивида. Насколько вариативна повседневность, настолько же и человек может по-разному реагировать на нее. Называя с иронией отказ от прежних ценностей «мягкой беспринципной гуманностью», Жижек заключает: «теперь понятно, почему Далай-лама гораздо более подходит нашему терпимому постмодернистскому времени. Он демонстрирует перед нами добрый спиритуализм без каких-либо

определенных обязательств. Всякий, даже наиболее декадентская голливудская звезда, может следовать за ним, одновременно продолжая сорить деньгами и ведя беспорядочный образ жизни» [7].

Отсутствие смыслового центра, безграничная плюральность, переплетение различных значений и их свободная интерпретация приводят к пониманию мира и человеческого бытия как лишенных какой-либо субстанциональной основы, как гиперпространства, по аналогии с гипертекстом, в котором возможны переходы из одного текста в другой, воплощение в каждом из текстов любых других, сотканных из старых цитат.

Обретение реальностью характеристик гиперреальности, в рамках которой оригинал и копия сосуществуют, приводит к смещению виртуального с реальным, вследствие чего человек живет уже не в реальности, и даже не в искусственной среде, а в мире тотальной симуляции, предоставляющей ему бесконечное число образов Я и моделей существования.

В ситуации всеобщей цитируемости, неуловимости и симуляции происходит нивелирование четких критериев определения пола, возраста, религиозной и политической принадлежности. Все это ведет к тому, что не только в виртуальной реальности, но и на физическом уровне человек превращается в текст, который требует интерпретации и расшифровки. Все определенности человека становятся некими ярлыками, представляющими индивида в повседневности и подлежащими раскодированию.

Знаковый характер приобретают также чувства и переживания. Все это свидетельствует об элиминации реальности, которая уступает место виртуальному, симулирующему всякую чувственность.

Пространство, в котором находится современный человек, скачущий среди означающих, не дифференцировано на реальное и моделируемое. Всё совмещается и порождает такие же следствия. Отсутствие реальных смысловых оснований в бытии и ценностный релятивизм порождают проблемы в восприятии других людей. Постмодерный человек, оборвавший органичные связи с другими и в эйфории свободы не стремящийся к ним, однако, с необходимостью пытается установить искусственное сходство и различие с внешним миром. Искусственность заключается в том, что человек стремится эти сходства и отличия взять под свой контроль, создать на основе определенной модели, которая не имеет ничего общего с реальными социокультурными различиями между людьми. Причем оба эти процесса в пределе ведут к негативным последствиям.

Размывание образа Другого как аппарата легитимации ведет к необходимости формулировать самостоятельные линии поведения и модели существования, что называется, на свой страх и риск. Желание гарантии толкает человека к формированию моделей поведения, а в идеале к формированию зависимостей. Кроме того, образ Другого может искусственно воссоздаваться посредством своеобразной неорганичной дифференциации, т.е. установления различий в одежде, питании,

политических предпочтениях, национальной принадлежности. Эта неорганичность заключается в том, что человеку становится важно само постулирование отличий, проведение демаркационной линии, которая не отражает истинного понимания человеком самого себя как части определенной группы, а просто фиксирует Другого как чуждого мне. Отсюда и возникают различные социальные противоречия, религиозная, национальная, расовая, гендерная и прочие нетерпимости. Через такие построения искусственных различий человек так и не достигает необходимого результата, ведь, останавливаясь только на фиксации своей отличности, он так и не сопоставляет себя с Другим. Поэтому вместо попытки понять Другого мы ставим барьер между собой и ним, воспринимая его как неизвестное, опасное, достойное уничтожения чужое. Другой же предполагает понимание, через которое конституируется мое Я. Именно за счет соотношения с ним Я имеет возможность утвердить себя.

Попытка очертить границы своего Я и тем самым удостовериться в собственной сущности за счет построения искусственных границ есть симуляция Другого, ведущая к тому, что человек сам становится индифферентным к собственному Я. Он судорожно пытается проявить себя во многих сферах, узнать себя в различных моделях и создать искусственные сходства и различия. Интересно описывают утрату Другого и исчезновение различий в постмодерном пространстве Ж. Делез и Ф. Гваттари: «Больше нет ни природы, ни человека, есть лишь процесс, который производит одно в другом и состыковывает машины. Повсюду производящие и желающие машины, шизофренические машины, целая порождающая жизнь; я и не-я, внешнее и внутреннее больше ничего не значат» [8].

В постмодерном пространстве человек относится с повышенным вниманием к себе, он не только не понимает Другого, но и не нуждается в нем, не стремится к соотношению с ним своего Я. В итоге человек теряет определенность, точку отсчета в понимании себя, он везде и нигде, поскольку не имеет возможности структурировать свои образы. Привязать их к единому смысловому центру. В результате человек замыкается на разнообразных способах выражения своего Я. Он не считается с другими, наоборот, все более отчуждается от них, не в состоянии в ситуации охватывающей его свободы, позволить чужому Я быть равноправным и выражать свою сущность.

Все это формирует шизоидный тип, который в круговороте собственных ярлыков и линии поведения не имеет возможности выстроить их в единую историю своей жизни, все более утрачивая ядро собственной личности. Отсюда образ собственного Я все более проблематизируется, но так и не находит адекватных моделей для идентификации.

В статье «Не влюбляйтесь в себя» С. Жижек приводит старый анекдот о молодом человеке, которого посылают на работу и он обещает друзьям писать обо всем, избегая цензуры: «Давайте договоримся о секретном

коде. Если мое письмо будет написано синими чернилами – значит, я пишу правду, если красными – ложь». Через месяц его друзья получают письмо: «Здесь все замечательно. Магазины полны качественных продуктов. В кино показывают западные фильмы. Роскошные и большие квартиры. Единственное, чего нельзя купить – так это красных чернил» [9]. Анекдот удачный, но не только тем, как замечательно, по мнению Жижека, он описывает усиление тоталитарных тенденций в обществе. На наш взгляд, в данном анекдоте емко представлена сама суть пост-современного общества, в котором исчезают все различия и оттенки, становясь равнозначными и равновозможными, стирается грань между ложным и истинным. И казалось бы, человек перестает быть проблемой ввиду достижимости и доступности для него различных способов существования, определенностей политических, религиозных, экономических и даже гендерных. Однако такой взгляд поверхностен. Возможно, как никогда ранее, человек становится проблемой как для антропологии, так и для самого себя. Ведь чтобы понять и осмыслить себя, человеку необходимы границы для самоопределения, критерии различения, которых нет ввиду отсутствия иного. Все написано одинаковыми чернилами, все возможно, так как переплетено между собой в одинаковой возможности быть.

Каковы перспективы и возможности антропологии в такой ситуации? На этот вопрос не может быть дан однозначный ответ. Действительно, целостное и универсальное учение о человеке не может быть создано в современном культурном пространстве, однако антропологические проблемы должны быть осознаны философией в их непосредственной связи с трансформацией общества и бытия человека, так как простое механическое наложение прежних схем восприятия человека на современный его образ невозможно. Эти схемы и модели восприятия человека действительно устарели, а потому необходим эклектизм в постижении бытия человека, разрушающий бинарные оппозиции в оценке тех или иных феноменов. Анализ повседневного опыта в ситуации радикальных общественных трансформаций должен строиться по новым ценностным критериям и с учетом ориентации на будущее.

Литература

1. Фуко М. Слова и вещи : археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб. : А-сэд, 1994. – 405 с.
2. Делёз Ж. О смерти человека и о сверхчеловеке / Ж. Делёз. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Delez/sm_chel.php
3. Деррида Ж. Письмо к японскому другу / Ж. Деррида // Вопросы философии. – 1992. – № 4.
4. Деррида Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида. – СПб. : Академический проект, 2000. – 430 с.
5. Барт Р. Избранные работы : Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М., 1994. – С. 384–391.

6. Павич М. Начало и конец романа / М. Павич. – Режим доступа: <http://lib.ru/INPROZ/PAWICH/endofnovelrus.txt>

7. Жижек С. «Когда простота означает странность, а психоз становится нормой» / С. Жижек. – Режим доступа: http://royallib.ru/book/gigek_slavoy/kogda_prostota_oznachaet_strannost_a_psihoz_stanovitsya_normoy.html

8. Делёз Ж. Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. – Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/371300/read>

9. Жижек С. Не влюбляйтесь в себя / С. Жижек. – Режим доступа: <http://liva.com.ua/zizek-wall-street.html>

Воронежский государственный университет

Манакова И. Ю., кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания

Тел.: 8-960-123-83-42

Voronezh State University

Manakova I. Yu., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Ontology and Theory of Knowledge Department

Tel.: 8-960-123-83-42